

**«СТИХОТВОРЕНИЕ ВСЕВОЛОДУ НИКОЛАЕВИЧУ НЕКРАСОВУ <...>»
ВЛАДИМИРА СТРОЧКОВА: МЕХАНИЗМЫ «ПОДРАЖАНИЯ»
И «ПОСВЯЩЕНИЯ»**

В статье рассматриваются основные приемы полисемантики Владимира Строчкова в их соположенности поэтике минимализма Всеволода Некрасова. Особое внимание уделяется заголовочному комплексу стихотворения, посвященного Вс. Некрасову, а также многоуровневой системе сносок.

Ключевые слова: подражание, посвящение, Всеволод Некрасов, минимализм, Владимир Строчков, полисемантика, заголовочный комплекс, сноска.

S. L. Konstantinova

**«THE POEM TO VSEVOLOD NIKOLAEVICH NEKRASOV <...>»
BY VLADIMIR STROCHKOV — MECHANISMS OF «IMITATION» AND
«DEDICATION»**

The article shows main devices of Vladimir Strochkov's polysemanthics in their comparison with Vsevolod Nekrasov's minimalism poetics. The article gives special consideration to the «headline complex» of the poem dedicated to Vsevolod Nekrasov and also to multi-step footnotes' system.

Key words: dedication, imitation, Vsevolod Nekrasov, minimalism, Vladimir Strochkov, polysemanthics, headline complex, footnote.

Материалом, на котором строится статья, стало одно из стихотворений Владимира Яковлевича Строчкова с длинным и достаточно неожиданным, даже для его поэтики, заглавием: «Стихотворение Всеволоду Николаевичу Некрасову (подражание Всеволоду Николаевичу Некрасову с посвящением Всеволоду Николаевичу Некрасову)». С точки зрения того, как действуют в данном тексте механизмы «подражания» и «посвящения», могут быть рассмотрены разные его составляющие. Прежде всего, уже на внешнем, формальном уровне, отчетливо просматривается следование таким принципам минималистской эстетики Всеволода Некрасова, как использование кратких и сверхкратких строк, часто состоящих из повторяющихся слов или фраз; семантизация служебных слов; специфическая организация заголовочного комплекса; и самое главное — обрастание текста многочисленными сносками, а также сносками к сноскам, которые, как уже неоднократно отмечалось, в предельно коротких стихах Некрасова «...нередко оказываются больше «основного» стихотворного текста» [1, с. 72].

Подобно некрасовским, сноски в стихотворении Строчкова намеренно лишены своей вспомогательной функции и выведены за формат метатекста как своей структурной организацией (две сноски-примечания к подзаголовку, четыре — к основному тексту, три — к примечаниям), так и своим объемом, открыто превышающим объем комментируемого текста. Собственно «стихотворение» занимает приблизительно одну седьмую его часть. Всё остальное — завуалированная под дополнительную и в то же время основная информация, не только уточняющая, но расширяющая и каламбурно обыгрывающая исходный смысл.

Что касается заголовочного комплекса стихотворения, то здесь следует отметить как минимум два ключевых аспекта. Первый относится к заглавию как таковому. Уже говорилось о том, что «собственно заглавия в поэтическом мире Некрасова встречаются достаточно редко, что вполне традиционно для стихотворений малого объема. <...> Примерно то же можно

сказать о посвящениях: их также немного и большинство из них вполне «укладывается» в традиционные формулы <...>» [1, с. 78].

Наличие заглавия у многих поэтических произведений Строчкова, напротив, выступает в качестве одного из ведущих элементов поэтики. Некоторые из них также осложнены сносками (правда, в большинстве случаев такая сноска либо дает перевод иноязычного заголовка, либо расшифровывает содержащуюся в заглавии аббревиатуру). Другие вполне могут быть соотнесены с заглавием рассматриваемого текста по своему объёму, например: «Завитухи (русское барокко или размышления у наркологической карты Родины)», «Больная Р. Хронический склерозимоз. Из истории болезни. Широкоформатное многофигурное историко-эпическое полотно во вкусе Ильи Глазунова», «Большой неуставной монолог с одним узким просветом (песнеформа защитная повседневная вне строя б/у)», «Стгасть (вогепедическая баввада на мотив въюде «Майчик йезвый, кудъйявый, въюбъйенный...»)» и др.

В то же время обращает на себя внимание, казалось бы, избыточный, но, тем не менее, намеренно педалируемый в заглавии повтор фамилии, имени и отчества главного героя, что в принципе не характерно ни для одного, ни для другого автора. Хотя в самих текстах Некрасова повторяющиеся фамилии с именами и отчествами не редкость, точнее сказать, их акцентуация на фоне других стихотворений достаточно очевидна. Приведу лишь два примера:

<...>

Евгений Леонидыч
Евгений Леонидыч

И Леонид Ефимыч
И Леонид Ефимыч

Леонид Ефимыч Пинский
Лев Евгеньич Кропивницкий

Лев Евгеньич Кропивницкий
Леонид Ефимыч Пинский

мнениями
между собой
обменивались

и обменялись

<...> («За полями за лесами») [2, с. 37–38].

Этот же принцип полного именованя лежит в основе сноски-примечания к стихотворению «все же а хорошо»:

<...>

1/ Демешкевичу
Леониду Сергеичу

Леонид Сергеевич
не то что
сделал то что смог

а Леонид Сергеевич
сделал то
что мог лишь один
Леонид Сергеевич Демешкевич

<...> [2, с. 80].

В результате можно предположить, что Строчков, ориентируясь на некрасовский прием игры с именами, включает в заглавие то, на чём Некрасов выстраивает основной текст, многократно проговаривая полное имя героя в разных контекстах (в том числе пространственных).

Второй интересующий нас аспект относится к эпиграфу, в качестве которого поэт использует несколько строк только что упомянутого стихотворения «все же а хорошо»:

в и ж у ж и в у

и скажу
и скажи
и скажу спасибо
.....
днем
да летним
да еще и пожить
сколько-то*

_____ * сколько-то еще
дополнительно [3, с. 362].

Как показывает обращение к полному тексту стихотворения «все же а хорошо» (достаточно, кстати, объёмному), непосредственным пусковым механизмом, который позволил выстраиваемой Строчковым полисемантической цепочке раскручиваться и двигаться вперед, стали другие, не вошедшие в состав эпиграфа строки:

<...>
кто \2
дал жизни таки
дал такую возможность
днём
да летним
да еще и пожить
сколько-то*

<...> [2, с. 80].

Именно эта, отсутствующая в эпиграфе, идиома — «дать жизни», став предметом собственно языковой референции Строчкова, будет обыгрываться на протяжении всего стихотворения, обрстая все новыми сносками и примечаниями:

<...>
и снова уже
кое-кому
дает жизни***
и кое-кому
дает пример жизни****
и кое-чему
чему жить
не дают
просто дает жизнь

давай Сева
кричат давай давай
давай живи
живи дальше*****
живи дольше*****
живи давай

и давай жизни
и давай Бог жизни

<...>

[3, с. 363].

Помещая элементы идиоматического выражения «дать жизни» в разные речевые контексты, проверяя их сочетаемость с другими словами, Строчков наследует одному из основных принципов поэтики Некрасова — принципу интонированного высказывания, смысловая наполненность которого обнаруживает себя лишь в условиях его особого расположения в пространстве (у Строчкова — в пространстве текста как особой полисемантической структуры).

Рассмотрим два основных способа преломления лексического значения, а в результате, наращивания полисемантических, как их называет Строчков, цепочек (в определенной степени соотносимых с некрасовской идеей «множественности» и «плюралистичности»). Механизм первой цепочки основан на движении от фразеологизма в основном тексте к его буквальному прочтению в сноске, расшифровывающему (в других случаях — практически переворачивающему) исходный смысл основного высказывания, затем снова к употреблению слова в составе нового фразеологизма и так далее:

<...>

кое-кому
дает жизни***

<...>

***многим
не дает жить
но дает прикурить
многим
курящим*****

<...>

*****сам-то он некурящий
не курит Некрасов
табака
как раз
ни табака
ни тем более
более или менее
фимиама

<...>

[3, с. 363–369].

Отрицательная коннотация идиомы «дать жизни» усилена, с одной стороны, буквальная расшифровкой — «многим / не дает жить...», а затем и введением новой идиомы — «...дает прикурить / многим / курящим» (в значении «проучить, наказать кого-либо; доставить кому-л. много серьезных проблем»). Следующая строка снова строится на буквальном прочтении — «сам-то он некурящий / не курит Некрасов / табака», что дает возможность появления нового фразеологического сочетания — «ни тем более / более или менее / фимиама» («курить фимиам» в значении «восхвалять»).

По такому же принципу строится следующая, четвертая, сноска:

<...>

дает пример жизни****

<...>

****простейший
арифметический
пример
равенства
равенства и свободы

свободы от братства этого
и от этого его паниблядства
и от старой братвы
и от ее молодой ботвы

<...> [3, с. 363–367].

Механизм выстраивания цепочки второго типа основан на сближении созвучных слов по принципу паронимии:

<...>
живи дальше*****
<...>
*****живи ближе
ближе ближе еще ближе
ближе даже
чем ноблесс облиз

а ноблесс облиз
никогда в жизни
никого не облизывать

он и не облизывал
и не облизывал
и не оближет

вот обложить обложить
обложить обложит
обложить может
<...> [3, с. 363–368].

Акцентирующее временной аспект словосочетание «живи дальше» сменяется пространственным «живи ближе», которое в свою очередь и позволяет начать звуковую игру: «ближе даже» — «чем ноблесс облиз» (= «положение обязывает» от фр. «Noblesse oblige») — «не облизывать» — «обложить обложит» — «обложить может».

Этот прием работает и в следующей сноске:

<...>
живи дольше*****
<...>
*****вита дольче
и тем дольче
чем бревис
чем арс
чем арс лонга
<...> [3, с. 363–369].

а затем множится в целом ряде примечаний, сделанных уже в рамках самих сносок:

<...>*****
чем вита бревис*****
<...>
*****это-то да
вита-то бревис
бревис-то бревис
бревис-то да
да

да смерти-то нет
нет смерти пока
пока есть
арс лонга*****

<...>

*****и пока
есть арс Некрасова
бэльтарт
и артогонь
и артогонь Некрасова
ураганен

<...>

[3, с. 363–371].

Входящее в состав известного крылатого выражения «Vita brevis, ars longa» («жизнь коротка, искусство вечно») транслитерированное «ars» («арс») обнаруживается сначала в фамилии Некрасова, затем, с заменой одной буквы, в составе слов «бэльтарт и артогонь», рождая яркий характерологический образ — «артогонь Некрасова».

При этом необходимо отметить, что основанное в соответствии с указанными принципами развертывание текста, демонстрирующее его структурную слоистость, начинается уже в заглавии, где жанрово маркированные лексемы — «подражание» и «посвящение» — также снабжены сносками. Именно в сносках начинают высвечиваться существенные, непосредственно коррелирующие с исходным значением слов, смыслы:

<...>

*а чего бы и не подражать
чего бы тому не поподражать
что тебе подороже
что тебе по дороге

не так чтобы по форме по дороге
так зато по содержанию по пути
по пути по сути

<...>

[3, с. 364].

Сближая созвучные слова («подражать» — «поподражать» — «подороже» — «по дороге» или «по пути» — «по сути»), а также наращивая эту цепочку при помощи синонимов («по дороге» — «по пути»), Строчков добивается того, что текст приобретает необходимое полисемантическое звучание. Замечу, что появившийся таким образом мотив пути, а также замещение лексемы «поздно» фразеологическим выражением («поезд ушел») влечет за собой появление ключевого (в том числе, в визуальном, пространственном смысле) образа поезда, демонстрирующего характер ироничной по отношению к самому себе поэтической «иерархии»:

<...>

скажете зря
все равно
уже поздно
уже поезд ушел
ушел по пути
уже весь поезд
ушел в длину
в подражание
Некрасову
Всеволоду
Николаевичу

уже
в ширину

впрочем
не претендуя
на прочее
на высоту
на глубину
на скорость
на грузоподъемность
на литерность
на фирменность
на купейность
даже на плацкарту
не претендуя

мы тут
на боковом
у тамбура
с краешку
без бельишка
без багажа
без саквояжа
с одним неэсээром
и ноутбуковками

<...>

[3, с. 365–366].

Эту операцию по сближению слов поэт продельывает и с лексемой «посвящение», замещающая её созвучным «посветить» и включая в контекст, актуализирующий сначала буквальный, а затем переносный смысл:

<...>

**а чего бы и не посвятить
отчего бы и не посветить
с задней площадки
без задней мысли
фонариком

Всеволод Николаевич
пусть вам будет от него
если не тепло
если даже
ни холодно ни жарко
то хотя бы
хоть немножко
светло
хоть немножечко
да посветлее

<...>

[3, с. 366].

В результате, найденный Владимиром Строчковым способ «поподражать» и «посветить» Всеволоду Некрасову позволяет совместить в пределах одного стихотворения (проявив тем самым глубинную сущность единого, по сути, замысла) два, казалось бы, разнонаправленных принципа работы со словом. Минималистичность Некрасова, основанная на предель-

но строгом отборе слов, на их тщательном «просеивании», и полисемантическую Строчкова, культивирующую практически бесконечное умножение и наращивание («размножение») словесных рядов и смыслов, смыкаются в главном, а именно: в стремлении поймать явление речи и проявить значение текстового пространства как «вспучивающего» (Некрасов) речь стихообразующего фактора.

Литература

1. Орлицкий Ю. Б. Заметки о поэтике Всеволода Некрасова // Полилог: электронный научный журнал. 2010, № 3. С. 72–85 [Электронный ресурс: URL: <http://www.vsevolod-nekrasov.ru/Media/Files/POLILOG-3-2010>]
2. Некрасов В. ЖИВУ ВИЖУ. М., 2002.
3. Строчков В. Стихотворение Всеволоду Николаевичу Некрасову (подражание Всеволоду Николаевичу Некрасову с посвящением Всеволоду Николаевичу Некрасову) // Строчков В. Наречия и обстоятельства. 1993–2004. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 362–371.
4. Строчков В. ПО ТУ СТОРОНУ РЕЧИ. Послесловие от автора // Строчков В. Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981–1992 годов. М.: Диас, 1994. С. 373–404.